

ТЕОРЕТИКО-ИСТОРИЧЕСКИЕ ПРАВОВЫЕ НАУКИ / THEORETICAL AND HISTORICAL LEGAL SCIENCES

DOI: <https://doi.org/10.23670/IRJ.2024.142.46>

ВИЗАНТИЙСКО-КАНОНИЧЕСКОЕ ВЛИЯНИЕ НА КОНСТИТУИРОВАНИЕ ОСНОВ КАРАТЕЛЬНО-ПРАВОВОГО МЕХАНИЗМА ПРОТИВОДЕЙСТВИЯ ПРЕСТУПНОСТИ В СИСТЕМЕ РЕГУЛИРОВАНИЯ ОБЩЕСТВЕННЫХ ОТНОШЕНИЙ ДРЕВНЕРУССКОГО ГОСУДАРСТВА (IX–XIII ВВ.)

Научная статья

Кораблин К.К.^{1,*}

¹ ORCID : 0000-0001-8221-0236;

¹ Дальневосточный институт (филиал) Всероссийского государственного университета юстиции, Хабаровск, Российская Федерация

* Корреспондирующий автор (kkorablin[at]mail.ru)

Аннотация

Исследование посвящено проблемам формирования в Древней Руси (IX–XIII вв.) карательно-правового механизма регулирования общественных отношений и его материальной сущности. Формально институт кары (наказания, возмездия, санкции) имеет государственную природу, поэтому совокупность всего инструментария, посредством которого вменяется кара, а также методология её применения, могут быть обозначены такой дефиницией, как «карательная политика», которая является важной составной частью общей политики государства. На протяжении всей истории русской государственности, карательная политика была неразрывно связана с репрессивными методами воздействия на лиц, нарушивших закон. Однако это вовсе не означает, что на ранней стадии развития общественных отношений в Древнерусском государстве, институт кары (наказания, возмездия, санкции) отсутствовал. Проведённые исследования показывают, что на процесс эволюции карательной политики Древней Руси огромное влияние оказало не только принятие христианства, но и содержание многих канонических памятников правовой культуры, а также заключённых между Русью и Византией международных договоров, позволивших восточным славянам перенять греческие правовые традиции, ставшие прототипом последующей кодификации отечественного уголовного, уголовно-процессуального и уголовно-исполнительного законодательства. Результаты анализа свидетельствуют о том, что без основ государственности и установления в обществе властно-повелительных (императивных) начал, невозможно организовать эффективную систему по выявлению, раскрытию и предупреждению преступности. Сегодня, в условиях роста социальных конфликтов, являющихся препятствием на пути к прогрессу, без глубокого изучения многочисленных проблем, связанных с обеспечением безопасности государства, без опоры на карающую мощь его правового механизма, невозможен процесс поддержания устойчивого и стабильного развития как всего общества в целом, так и его отдельных социальных групп и индивидов.

Ключевые слова: Древнерусское государство, Византийская империя, кара, наказание, возмездие, карательная политика, византийское каноническое законодательство, древнерусское право.

BYZANTINE-CANONIC INFLUENCE TO CONSTITUTE THE FUNDAMENTALS OF THE PUNITIVE LEGAL MECHANISM FOR COUNTERING CRIME IN THE SYSTEM OF REGULATING PUBLIC RELATIONS ANCIENT RUSSIAN STATE (IX–XIII CENTURIES)

Research article

Korablin K.K.^{1,*}

¹ ORCID : 0000-0001-8221-0236;

¹ Far Eastern Institute (branch) All-Russian State University of Justice, Khabarovsk, Russian Federation

* Corresponding author (kkorablin[at]mail.ru)

Abstract

The study is devoted to the problems of the formation in Ancient Rus' (9th–13th centuries) of a punitive legal mechanism for regulating social relations and its material essence. Formally, the institution of punishment (punishment, retribution, sanctions) is of a state nature, therefore the totality of all the tools through which punishment is imposed, as well as the methodology for its application, can be designated by such a definition as “punitive policy,” which is an important component of the general policy of the state. Throughout the history of Russian statehood, punitive policies have been inextricably linked with repressive methods of influencing persons who have broken the law. However, this does not mean at all that at the early stage of the development of social relations in the Old Russian state, the institution of punishment (punishment, retribution, sanctions) was absent. The conducted research shows that the process of evolution of the cartel policy of Ancient Rus' was greatly influenced not only by the adoption of Christianity, but also by the content of many canonical monuments of legal culture, as well as international treaties concluded between Russia and Byzantium, which allowed the Eastern Slavs to adopt Greek legal traditions, which became the prototype of the subsequent codification of domestic criminal, criminal procedural and criminal executive legislation. The results of the analysis indicate that without the foundations of statehood and the establishment of power-imperative (imperative) principles in society, it is impossible to organize an effective system for identifying, solving and preventing crime. Today, in the context of growing social conflicts, which are an obstacle to progress, without a deep study of the numerous problems associated with ensuring the security of the state, without relying on the

punitive power of its legal mechanism, the process of maintaining sustainable and stable development of both society as a whole is impossible, and its individual social groups and individuals.

Keywords: Old Russian state, Byzantine Empire, punishment, punishment, retribution, punitive policy, Byzantine canonical legislation, Old Russian law.

Введение

Процессу конституирования карательно-правовой политики любого государства соответствует определённая периодизация, отражающая ключевые этапы её становления и развития, а также характерные особенности существующего политического строя страны, её социально-экономических связей и международных отношений. Немаловажную роль в этом занимает сложившаяся в обществе материальная и духовная культура, а также сформировавшиеся за многовековую историю традиции, обычаи и обряды. В особенности это имеет значение на первоначальном этапе становления и развития государственности. Карательно-правовые функции появляются не сразу, а по мере возникновения внутренних и внешних угроз государству, они выступают как ответная реакция на стремление к поддержанию в обществе законности и правопорядка, а также устойчивости и стабильности в социальных отношениях.

В настоящее время ощущается острый дефицит в комплексных историко-правовых исследованиях, в полной мере раскрывающих ключевые аспекты реализации карательно-правовой политики на различных этапах эволюции российской государственности. В этой связи ряд принципиально важных научных задач, стоящих перед современными исследователями, всё ещё остаются нерешёнными.

Методологическую основу данного исследования составляют методы научного познания окружающей действительности и социальных процессов. Прежде всего, это диалектико-материалистический метод, относимый к категории всеобщего, а также общенаучные и специальные методы (функциональный, сравнительного анализа, абстрагирования, моделирования, конкретизации, аналогии, синтеза и др.). Широко применялись и методы, характерные непосредственно для юридической науки: исторический, формально-юридический, аксиологический, синергетический, сравнительно-правовой, конкретно-социологический, логический и др.

Главными методологическими принципами в ходе подготовки научной статьи явились объективность, историзм, всесторонность. Материал, положенный в её основу, изучался с позиции примата факта над концепцией и подвергался детальному анализу с учётом хронологии событий, глубокого анализа содержания существующих правовых форм, необходимости получения максимально возможной и достоверной информации из прорабатываемых источников.

В заключении, базируясь на историческом опыте, были изложены научно-обоснованные положения и теоретические выводы, подвергающие глубокому осмыслению богатое историческое наследие нашей страны, которые существенным образом дополняют уже имеющиеся научные взгляды, идеи и теории.

Основные результаты

В современном понимании термин «кара» обозначает сущность (внутренний смысл) уголовного наказания, являющегося формой принудительного (репрессивного) воздействия на провинившегося в целях утверждения социальной справедливости и исправления лица, нарушившего закон, для предупреждения совершения им новых преступлений [1, С. 54].

Толковый словарь русского языка смысловое содержание слова «кара» раскрывает как наказание, возмездие, а термин «карательный» обозначается как имеющий целью жестоко наказать, произвести расправу [6, С. 265–266].

По своей материальной сущности кара (наказание, возмездие, санкция), как результат формального насилия, имеет государственную природу, поэтому совокупность всего инструментария, посредством которого применяется кара, а также методология её применения, могут быть обозначены дефиницией «карательная политика». Являясь составной частью общей политики государства, карательная политика представляет собой исторически сложившуюся и обусловленную существующими общественными отношениями государственную политику, проводимую специфическими принудительными методами, опосредованными идеологическими устоями общества и групповой психологией части социума, занимающей господствующее экономическое и политическое положение.

Ядром системы организации карательной политики является институт наказания, который является мерой государственного принуждения, применяемой в отношении лица, признанного виновным в совершении уголовного преступления. На сегодняшний день в мире существует четыре доминирующих вида наказания – денежный штраф, организация работ (обязательных или исправительных), лишение свободы (на определённый срок или пожизненно) и смертная казнь. В прошлые столетия существовали и иные виды принудительного воздействия на правонарушителей, среди которых были широко распространены членовредительские (клеяние, отсечение конечностей, отрезание ушей, пальцев рук, вырывание ноздрей, ослепление и др.) и телесные наказания (сечение кнутом, битьё плетью, розгами, палками, металлическими шомполами).

На протяжении всей истории русской государственности карательная политика была неразрывно связана с репрессивными (насильственными) методами воздействия на лиц, нарушивших закон. Именно в таком ключе, исследователи преподносят её сегодня, рассматривая через определённые карательные трансформации в разрезе времён, событий и личностей. Так, например, по мнению выдающегося русского учёного-юриста, криминолога, государственного и общественного деятеля Н. С. Таганцева «Применение наказания к преступным деяниям есть право государства, которым оно может и должно пользоваться только тогда, когда это представляется необходимым и целесообразным для охраны правового порядка...» [11, С. 91].

Изначальное упоминание о Древней Руси как государственном образовании, встречается в русских летописях и византийских известиях (текстах письменных памятников), подготовленных византийскими историками (например, константинопольским патриархом Фотием, императором Константином Багрянородным, Львом Диаконом, Михаилом Пселлом и др.), которые объясняли российскую историю с глубокой древности (с начала переселения народов).

Византийские известия (актовые и нарративные тексты), представляющие собой основной фонд сведений о Древней Руси, появились ещё задолго до принятия христианства и составления Русской Правды, и относятся к первой половине IX в. [13, С. 8], что подтверждается договорами, заключёнными с греками (византийцами). Эти документы важны с точки зрения доказательства того, что Древняя Русь находилась на довольно высоком уровне развития «гражданственности», торговых и дипломатических связей, что служит наглядным свидетельством установившихся совместных с греками форм судопроизводства «по тяжёлым делам между русским гостинным двором на Босфоре у монастыря св. Мамонта и Греками» [4, С. 15].

На сегодняшний день, учёные-правоведы выделяют несколько этапов становления и развития карательного компонента в истории русской государственности, связывая эти события с принятием кодифицированных источников в области уголовного права и уголовного процесса на каждом историческом отрезке времени, выделяя среди них три наиболее значимые:

1. *Начальный период формирования основ карательной политики Древнерусского государства (IX–XIII вв.)* — это время установления основ русской государственности и складывания типовых форм принудительных (репрессивных) санкций, берущих своё начало в правовых обычаях восточных славян и византийских летописных памятниках. Одной из важнейших особенностей этого периода является усвоение норм канонического права, когда христианская церковь получила право на собственную юрисдикцию, которая стала существовать параллельно со светской (государственной). В формирующихся правовых отношениях, был очерчен круг правонарушений, которые находились в ведении церковных судов. Заслуга христианства заключалась в том, что правовой норме придавалось морально-нравственное начало. В сферу церковной юрисдикции попадали не только представители духовенства, но и миряне, что существенно усиливало позиции Русской православной церкви в обществе.

2. *Московский период в развитии карательной функции Русского (централизованного) государства (XIV–XVII вв.)* — это начало процесса централизации государственной власти на Руси, принятие Судебников 1497 и 1550 гг., а также Соборного Уложения 1649 г. На этом этапе Русская православная церковь принимала самое активное участие в реализации государственно-карательной политики. Для этой цели в качестве мест заключения использовались монастыри, в которые ссылали государственных и уголовных преступников, военнопленных, а также лиц, подвергнувшихся царской опале. Православные монастыри занимали особое место в системе карательных учреждений Московского государства. Наиболее печальной «славой» была окутана тюрьма Соловецкого монастыря (1436), куда помещались преступники за совершение религиозных преступлений [5, С. 31]. Среди монастырей, которые вплоть до конца XIX в. использовались властью как места заточения «неугодных» лиц, можно назвать Спасо-Прилуцкий Дмитриев (1371), Кирилло-Белозёрский (1397), Николо-Карельский (1419), Соловецкий (1436), Троицкий Антониево-Сийский (1520), Долматовский Свято-Успенский (1644), Свято-Троицкий Селенгинский (1675) и др. [2], [3].

Особый правовой статус церкви закрепляли законодательные памятники той эпохи. Так, например, Судебник 1497 г. предусматривал смертную казнь за церковную кражу и святотатство. Он же подтвердил особые права церкви. Значительно укрепил правовое положение церкви первый свод законов Русского государства – Соборное Уложение 1649 г., в котором религиозным преступлениям была посвящена первая глава «О богохульниках и о церковных мятежниках». Религиозные правонарушения предусматривали различные формы ответственности: смертная казнь (за богохульство, прерывание литургии, нанесение телесных повреждений в храме), тюремное заключение (за приношение челобитных во время церковной службы), торговая казнь (за оскорбление священнослужителя во время службы), телесные наказания (за рукоприкладство в церкви). Характерно, что Московский период Русского (централизованного) государства стал знаковым для христианского православия, поскольку участие церкви в карательной политике государства было наиболее заметным. Под мощным монастырским фундаментом, надёжно охранялись политическая, экономическая и судебно-процессуальная самостоятельность церкви.

3. *Имперско-синодальный период укрепления карательной (тюремной) политики в России (XVIII – начало XX вв.)* — это эпоха, которая была тесно связана с европейскими реформациями, либерализацией западного общества, формирующимися идеями просветительства, эволюцией идеологии наказания и тюремными преобразованиями при сохранении духовного (церковного) суда и христианских заповедей. Включение церкви в государственно-карательную политику в это историческое время во многом было обусловлено господством утилитарных представлений о религии, которые формировались под воздействием усиливающихся контактов России с европейскими странами.

Участие Русской православной церкви в реализации карательной политики государства активизировалось и было направлено на то, чтобы всемерно способствовать отстаиванию интересов власти, а церковные материальные ресурсы активно использовать в правоприменительной и судебной практике. Священники были обязаны докладывать обо всех преступлениях, которые прихожане сообщали на исповеди. От них требовалось осуществлять контроль над прихожанами и сообщать о нарушениях не только духовным, но и гражданским властям. Органы церковного судопроизводства структурно оформились в единую церковно-судебную систему, вбирающую в себя различные инстанции: синодальный суд, суд епископа (митрополита), суд консистории (епархиальный суд). Каждая судебная инстанция имела строго определённые полномочия и в случае разногласий должна была согласовывать свои решения не только с вышестоящими судебными органами, но и светскими властями [7, С. 195–198].

В целом соглашаясь с принятой периодизацией эволюции карательной политики в Древней Руси, отметим, что достаточно чётко и ясно систематизировать события в области уголовной юрисдикции до второго десятилетия XII в. достаточно проблематично в силу отсутствия надлежащих исторических источников. Имеющиеся же летописные своды, получившие общее название «Повесть временных лет» («Первоначальная летопись», «Начальная летопись», «Несторова летопись»), являются лишь литературно-художественными произведениями, посвящёнными ратным сражениям русских князей с половцами, междоусобицам, освоению новых земель и княжескому правлению в

Киевской Руси. Каких-либо упоминаний о преступлениях, а также о системе и видах наказаний, в этом документе мы не находим.

На заре древнерусской государственности, привилегированные сословия добивались княжения через кровопролитие (т. е. через совершение «злодеяний»), которое в то время носило характер кровной мести. Об этом в «Повести временных лет» свидетельствуют сказания о трёх походах княгини Ольги к древлянам в 945 г. с целью отмщения за смерть мужа – Киевского князя Игоря, и получивших в исторической литературе наименование «Начало княжения Святослава». В 946 г. состоялась четвёртая месть Ольги, выразившаяся в сожжении Искоростеня – политико-административного центра древлян, и возложении на них дани. Уплата дани, а позже «виры», выступала в качестве основного вида наказания, в котором монастырские писцы усматривали месть за алчность киевских князей [12, С. 141–142].

Заключённые договоры между Русью и Византией, начиная с договора «Мира и любви» от 7 сентября 911 г. (руско-византийский договор), а также договоры от 907, 912, 945, 971 годов, подписанных князьями Олегом, Игорем и Святославом, являлись письменным доказательством существования карательных элементов в проводимой Древней Русью государственной политике в период до принятия ею христианства. Так, в «Повести временных лет» о договоре 907 г. было сказано следующее: «Цари же Леон и Александр заключили мир с Олегом, обязались уплачивать дань и присягали друг другу: сами целовали крест, а Олега с мужами его водили присягать по закону русскому, и клялись те своим оружием и Перуном, своим богом, и Волосом, богом скота, и утвердили мир» [9]. Из чего следует, что законы и сопровождавшие их обряды, существовали на Руси в достаточном количестве, иначе бы развитая Византия не вступала в длительные международные отношения с диким варварским народом.

В 912 г. был заключён очередной русско-византийский договор (далее – договор 912 г.), в тексте которого встречается первое расширенное упоминание о преступлениях и наказаниях, известных обеим сторонам. Договор 912 г. делит преступления по степени их тяжести. На первом месте располагается убийство русского христианином или наоборот. За такое преступление предусматривалось наказание в виде незамедлительного убийства причинителя вреда, причём тем же способом, которым оно было совершено: «Если кто убьёт, – русский христианина или христианин русского, – да умрёт на месте убийства» [10].

Основным доказательством виновности совершения этого и других видов преступлений, являлось признание вины, принесение клятвы на оружии, поединок, а также суд Божий: «...Пусть те..., которые приняли крещение, получат возмездие от Бога вседержителя, ...а те..., которые не крещены, да не имеют помощи ни от Бога, ни от Перуна, да не защитятся они собственными щитами, и да погибнут они от мечей своих, от стрел и от иного своего оружия...» [8]. В случае бегства виновного, правосудие считалось отложенным до поимки преступника: «пока не разыщется, а тогда да умрёт» [8].

Следующим (в зависимости от степени тяжести) преступлением договор 912 г. признавал причинение вреда здоровью, за что виновный наказывался денежным штрафом: «если ударит кто мечом или будет бить каким-либо другим орудием, то за тот удар или битьё пусть даст 5 лит серебра по закону русскому; если же совершивший этот проступок неимущий, то пусть даст сколько может, так, что пусть снимет с себя и те самые одежды, в которых ходит, а об оставшейся неуплаченной сумме пусть клянётся по своей вере, что никто не может помочь ему, и пусть не взыскивается с него этот остаток» [8].

Наказание в виде смертной казни или штрафа, выплачиваемого в тройном размере, предусматривалось за совершение кражи или грабежа. При этом, при покушении на кражу виновный мог быть убит, что не являлось преступлением: «если украдёт что русский у христианина или, напротив, христианин у русского, и пойман будет вор пострадавшим в то самое время, когда совершает кражу, либо если приготовится вор красть и будет убит, то не взыщется смерть его ни от христианина, ни от русских; но пусть пострадавший возьмёт то своё, что потерял. Если же добровольно отдастся вор, то пусть будет взят тем, у кого он украл, и пусть будет связан, и отдаст то, что украл, в тройном размере» или «если кто из христиан или из русских посредством побоев покусится (на грабёж) и явно силою возьмёт что-либо, принадлежащее другому, то пусть вернёт в тройном размере» [8].

В 945 г., после кровопролитных сражений, князем Игорем был возобновлён мир с греками (Византией), о чём был заключён соответствующий договор. В этом документе говорится о взаимных преступлениях и наказаниях. В тексте также был сохранён принцип возмездия и неизбежности наступления кары (наказания): за убийство – умерщвление, за членовредительство – взыскание денежных сумм. Новые виды преступлений в документе не встречаются. Более того, многие противоправные деяния, включённые в договор 912 г., в тексте договора 945 г. отсутствовали.

Поскольку задачей Византии было оказать непосредственное влияние на Древнюю Русь через союзнические соглашения, через наставления на божественный праведный путь, то большое значение имели византийские канонические нормы и их проникновение в древнерусское правотворчество. В частности, из нормативных правовых актов, регулирующих вопросы наказания за различные виды преступлений, следует обратить внимание на:

а) «Эклогу» (726 г. или 741 г.) — первый краткий свод византийского законодательства, состоящий из 18 титулов, изданный императором Львом III Исаврийским, в который были включены нормы обязательственного, семейного, наследственного, уголовного и процессуального права;

б) «Прохиرون» («Градский закон», 879 г.) — практическое руководство для судей в Византии, изданное взамен Эклоги по приказу императора Василия I, которое имело законодательную силу. Документ содержал краткое изложение норм гражданского, уголовного, судебного и церковного права;

в) «Эпанагогу» («Исагогу», между 879 г. и 886 г.) — краткий сборник правовых норм, составленный в Византии от имени императора Василия I и его сыновей Льва и Александра. В подготовке документа (вероятно) принимал участие сам Патриарх Фотий. В сборнике была предложена новая концепция о двух взаимодополняющих друг друга ветвях власти – императорской и патриаршей. До настоящего времени неизвестно, имел ли документ силу закона или являлся лишь проектом, не получившим официального утверждения;

г) «Василики» («Базилики», 890 г.). — византийский свод законов, применявшихся в XI столетии, работа над которым началась в правление императора Василия I и завершилась при его сыне Льве VI («Мудром»). В основу документа было положено законодательство императора Юстиниана. Данный свод византийского права включал в себя как светское, так и церковное законодательство. По своей классовой сущности «Василики» отражали процесс угнетения крестьян, узаконили крепостничество, отменили ограничения по укрупнению частного землевладения. Значительное количество правовых норм, состоящих из 60 книг, занимали нормы публичного и религиозного права. Например, титулом XVII «Наказания за преступления» в «Эклоге» закреплялись важнейшие принципы уголовной политики Византии: законности – привлечения к ответственности всех без исключения лиц в случае совершения любого из перечисленных в источнике преступлений; вины – наказанию подлежали лица, совершившие умышленные преступления. При этом, система наказаний, описанная в «Эклоге», весьма разнообразна, ей присущи элементы восточной жестокости, а также дифференциации в зависимости от сословного положения виновного.

В качестве наказаний за совершённые преступления применялись: лишение жизни – различные виды смертной казни (утопление, сожжение, повешение, сажание на кол, отсечение головы, закапывание живьём в яму и т. п.); членовредительство – отсечение конечностей (рук, ног, пальцев, языка, носа, ушей), клеймение, оскопление, постриг наголо и т. п.; телесные наказания (битьё палками, прутьями, плетью и т. п.); изгнание из общества (общины), штраф, конфискация, назначаемая в зависимости от имущественного положения лица, и др. Ведущая роль среди всех наказаний отводилась смертной казни, применявшейся в «квалифицированной форме» - в виде отсечения головы мечом, сожжения и даже распятия на фурке (титул XVII ст. ст. 33, 38, 41–43, 45, 50, 52, 53) [4, С. 35].

Титул о наказаниях был дополнен главой о преступлениях против церкви (отречение от христианской веры, колдовство, знахарство, побои лиц духовного звания, кражи из алтаря, разграбление могил и пр.), где единственно возможной санкцией выступала смертная казнь. Также в «Эклоге» были выделены и другие виды преступлений. Здесь же содержались и общие положения о субъекте преступления, возрасте наступления юридической ответственности, институте соучастия, отягчающих и смягчающих вину обстоятельствах и т. п. «Эклога» объединяла в себе не только нормы материального, но и процессуального права (в сборнике присутствовало множество различных процессуальных регламентов). Одной из целей принятия этого документа являлось совершенствование судебной системы и системы правосудия в Византии.

В этой связи следует отметить ст. 5 титула XVII, где было установлено наказание за самосуд, который являлся преступлением, совершённым против правосудия. Право «разрешать спор по существу» принадлежало только специально уполномоченным чиновникам, среди которых высшим судебным статусом обладал сам император. Все остальные, в соответствии с установленной иерархической лестницей, находились уровнем ниже – это «славнейший квестор; антиграфевсы; все служащие судебных органов» [4, С. 38], архонты, обладавшие судебными правами на местах (в провинциях).

Содержание судебной системы осуществлялось за счёт средств, собираемых с участников процесса и жалобщиков (истцов), эти денежные выплаты составляли жалование судей и их помощников. Судебный процесс был построен на предъявлении доказательств, к которым относились свидетельские показания, письменные документы, признание вины и дача клятвы. Эти положения позже были развиты и дополнены сводом законов византийского права, получившим название «Василики», книга 60 которого была посвящена преступлениям и наказаниям. Данный свод переписывался несколько раз и в частично-компилированном виде послужил прообразом «Русской Правды», которая представляла собой своеобразный симбиоз византийского канонического законодательства, русских традиций и обычаев, а также княжеских установлений и волеизъявлений.

Таким образом, в Древней Руси на момент официального принятия христианства (28 июля 988 г.) произошло столкновение двух правовых концепций, опирающихся на традиционное (обычное) и каноническое (религиозное, церковное) право, что нашло непосредственное отражение в законодательстве Древнерусского государства. Отголоски того или иного течения встречаются и в наши дни. В этой связи, заслуживает внимания позиция ряда авторов, по мнению которых кара (наказание) является результатом узаконенного насилия, и имеет государственно-правовую природу. Поэтому совокупность всего инструментария, посредством которого применяется кара и методология её применения, может быть обозначена дефиницией «карательная политика» [1, С. 60].

Известно, что без основ государственности и установления в обществе властно-повелительных (императивных) начал, невозможно организовать эффективную карательную систему – систему противодействия преступности и исполнения уголовных наказаний. Однако это вовсе не означает, что в догосударственную эпоху, на ранней стадии развития общественных отношений в Древней Руси, институт кары (наказания, возмездия, санкции) отсутствовал. В этот период само наказание и процедура его исполнения ещё не носили публичного характера, поскольку в основном инициировались по волеизъявлению частных лиц и ими же приводились в исполнение, что служит наглядным свидетельством того, как постепенно складывался обвинительный тип судебного процесса, целью которого являлось выявление, раскрытие и предупреждение совершаемых преступлений и правонарушений.

Заключение

Таким образом, проведённый анализ документальных источников периода Древней Руси, позволил сформулировать следующие выводы:

1. С появлением в IX столетии династии Рюриковичей, возникла необходимость в укреплении русской государственности, в том числе с помощью применения карательных (репрессивных) мер, которые рассматривались как способ объединения земель и покорения населяющих их народов. В рассматриваемый исторический период, к числу наиболее распространённых наказаний относились: возмездное причинение смерти виновному (кровная месть и смертная казнь), а также взимание виры в пользу князя, выражавшейся в форме взыскания с обвиняемого денежного возмещения (штрафа) или в виде материальной компенсации потерпевшему своим имуществом.

2. Международные договоры, заключённые между Древней Русью и Византией в 907, 912, 945, 971 годах, закрепившие результаты военных походов восточных славян в Византию, а также греческие канонические памятники правовой культуры VII–IX вв., явились прототипом последующей кодификации законодательства Древней Руси, сформировавшегося на основе языческих традиций и обычаев народностей, населявших русские земли.

3. Принятие христианства (28 июля 988 г.) существенно повлияло на перенесение византийских канонических норм в русское церковное право, которое следует рассматривать как параллельную ветвь в становлении и развитии карательной политики Древнерусского государства.

4. В Древней Руси полноценной государственной карательной политики ещё не существовало, однако на этом историческом этапе уже присутствовали отдельные её элементы в виде различных способов противодействия преступности (убийство, членовредительство, неуплата сборов и податей, кража, грабёж и др.), а также в виде складывающейся системы исполнения наказаний (смертная казнь, членовредительство, телесные наказания, изъятие имущества, выплата денежного штрафа и т. п.).

5. С точки зрения эволюции канонической (церковной) и княжеской (светской) юрисдикции, сложившаяся в Древнерусском государстве на протяжении IX–XIII вв. совокупность законодательных норм и правил поведения участников правовых отношений, исходя из сущности и содержания исследуемых документальных источников, имеет весьма определённую цель, заключающаяся в необходимости создания мощного государственного карательно-правового механизма, без которого на тот момент был невозможен процесс поддержания устойчивого и стабильного развития социальных отношений.

Конфликт интересов

Не указан.

Рецензия

Азизова В.Т., Дагестанский государственный университет, Махачкала, Российская Федерация
DOI: <https://doi.org/10.23670/IRJ.2024.142.46.1>

Conflict of Interest

None declared.

Review

Azizova V.T., Dagestan State University, Makhachkala, Russian Federation
DOI: <https://doi.org/10.23670/IRJ.2024.142.46.1>

Список литературы / References

1. Жаркой М. Э. Наказание и карательная политика государства (к проблеме теоретического осмысления) / М. Э. Жаркой, А. Е. Козлов // Актуальные вопросы борьбы с преступлениями. — 2015. — № 3. — С. 53–60.
2. Кораблин К. К. Из истории монастырских тюрем в дореволюционной России / К. К. Кораблин // Вестник Дальневосточного юридического института МВД России. — 2003. — № 2(5). — С. 103–107.
3. Кораблин К. К. Правовое регулирование условий содержания осуждённых в тюрьмах Российской империи / К. К. Кораблин // Перспективные направления научных исследований по истории уголовно-исполнительной системы России : сборник материалов IV Всероссийской научно-практической конференции (г. Москва, 26–27 апреля 2021 г.). — Москва : Типография ФКУ НИИИТ ФСИН России, 2021. — С. 97–98.
4. Лысенко О. Л. Эклога 726 г. – памятник права Византии эпохи иконоборчества и «правового новаторства» / О. Л. Лысенко // Вестник Московского ун-та. Серия 11. Право. — 2014. — № 3. — С. 16–41.
5. Оганесян С. М. Пенитенциарная система государства (историко-теоретический и правовой анализ) : автореф. дис... д-ра юрид. наук : 12.00.01 / С. М. Оганесян. — СПб., 2005. — 47 с.
6. Ожегов С. И. Толковый словарь русского языка: 80 000 слов и фразеологических выражений / С. И. Ожегов, Н. Ю. Шведова. — Москва : Азбуковник, 1997. — 944 с. — ISBN 5-89285-003-X.
7. Павлушков А. Р. Церковь в карательной политике государства: периодизация и эволюция взаимоотношений / А. Р. Павлушков // Приоритетные направления развития науки и образования. — Пенза : МЦНС «Наука и Просвещение», 2018. — Глава 21. — С. 194–201. — ISBN 978-5-907068-69-8.
8. Повесть временных лет / Пер. Д. С. Лихачёва // Интернет-библиотека Алексея Комарова. — URL: <https://ilibrary.ru/text/4339-/p.1/-index.html?ysclid=> (дата обращения: 24.03.2024).
9. Поход князя Олега на Царьград // Хронос. — URL: <http://hrono.ru/dokum/1000dok/-povest1.php> (дата обращения: 25.03.2024).
10. Преподобный Нестор Летописец. «Повесть Временных Лет». Прозаический перевод на современный русский язык Д. С. Лихачёва // Российская История. — URL: http://russian-history.info/Books/povest/01_06.htm (дата обращения: 26.03.2024).
11. Таганцев Н. С. Русское уголовное право / Н. С. Таганцев. — Москва : Наука, 1994. — Т. 2. — 393 с. — ISBN 5-02-012940-2.
12. Тарнавский О. А. Первоначальный этап развития уголовного судопроизводства Древнерусского государства / О. А. Тарнавский // Учёные записки Казанского университета. Серия: Гуманитарные науки. — 2020. — Т. 162. — С. 140–151.
13. Успенский Ф. И. Русь и Византия в X веке : речь, произнесённая 11 мая 1888 г. в торжественном собрании Одесского славянского благотворительного общества в память 900-летнего юбилея крещения Руси / Ф. И. Успенский. — Одесса : Издание Кирилло-Мефодиевского книжного склада при Одесском славянском обществе, 1888. — 38 с.

Список литературы на английском языке / References in English

1. Zharkoy M. E. Nakazanie i karatel'naja politika gosudarstva (k probleme teoreticheskogo osmyslenija) [Punishment and punitive policy of the state (to the problem of theoretical understanding)] / M. E. Zharkoy, A. E. Kozlov // Aktual'nye voprosy bor'by s prestuplenijami [Current issues in the fight against crime]. — 2015. — № 3. — P. 53–60 [in Russian].
2. Korablin K. K. Iz istorii monastyrskih tjurem v dorevoljucionnoj Rossii [From the history of monastic prisons in pre-revolutionary Russia] / K. K. Korablin // Vestnik Dal'nevostochnogo juridicheskogo instituta MVD Rossii [Bulletin of the Far Eastern Legal Institute of the Ministry of Internal Affairs of Russia]. — 2003. — № 2(5). — P. 103–107 [in Russian].
3. Korablin K. K. Pravovoe regulirovanie uslovij sodержanija osuzhdjonykh v tjur'mah Rossijskoj imperii [Legal regulation of the conditions of detention of convicts in prisons of the Russian Empire] / K. K. Korablin // Perspektivnye napravlenija nauchnykh issledovanij po istorii ugolovno-ispolnitel'noj sistemy Rossii : sbornik materialov IV Vserossijskoj nauchno-prakticheskoy konferencii (g. Moskva, 26–27 aprelja 2021 g.) [Prospective directions of scientific research on the history of the penal system of Russia: collection of materials of the IV All-Russian scientific and practical conference (Moscow, April 26–27, 2021)]. — Moscow : Printing house of FKU NIIIT FSIN of Russia, 2021. — P. 97–98. [in Russian].
4. Lysenko O. L. Jekloga 726 g. – pamjatnik prava Vizantii jepohi ikonoborchestva i «pravovogo novatorstva» [Eclogue of 726 – a monument to the law of Byzantium in the era of iconoclasm and "legal innovation"] / O. L. Lysenko // Vestnik Moskovskogo un-ta. Serija 11. Pravo [Bulletin of Moscow University. Episode 11. Law]. — 2014. — № 3. — P. 16–41 [in Russian].
5. Oganessian S. M. Penitencijarnaja sistema gosudarstva (istoriko-teoreticheskij i pravovoj analiz) [The penitentiary system of the state (historical, theoretical and legal analysis)] : author's abstract. Dis... Doctor of Law. Sciences : 12.00.01 / S. M. Oganessian. — St. Petersburg, 2005. — 47 p. [in Russian].
6. Ozhegov S. I. Tolkovyj slovar' russkogo jazyka: 80 000 slov i frazeologicheskikh vyrazhenij [Explanatory dictionary of the Russian language: 80,000 words and phraseological expressions] / S. I. Ozhegov, N. Yu. Shvedova. — Moscow : Azbukovnik, 1997. — 944 p. — ISBN 5-89285-003-X [in Russian].
7. Pavlushkov A. R. Cerkov' v karatel'noj politike gosudarstva: periodizacija i jevoljucija vzaimootnoshenij [The Church in the punitive policy of the state: periodization and evolution of relationships] / A. R. Pavlushkov // Priority directions for the development of science and education. — Penza : ICNS «Science and Enlightenment», 2018. — Chapter 21. — P. 194–201. — ISBN 978-5-907068-69-8 [in Russian].
8. Povest' vremennyh let [The Tale of Bygone Years] / Trans. D. S. Likhachev // Internet-biblioteka Alekseja Komarova [Internet library of Alexey Komarov]. — URL: <https://ilibrary.ru/text/4339-/p.1/-index.html?ysclid=> (accessed: 24.03.2024). [in Russian].
9. Pohod knjazja Olega na Car'grad [Prince Oleg's campaign against Constantinople] // Hronos [Chronos]. — URL: <http://hrono.ru/dokum/1000dok/-povest1.php> (accessed: 25.03.2024). [in Russian].
10. Prepodobnyj Nestor Letopisec. «Povest' Vremennyh Let». Prozaicheskij perevod na sovremennyj russkij jazyk D. S. Lihachjova [Venerable Nestor the Chronicler. "The Tale of Bygone Years". Prose translation into modern Russian by D. S. Likhacheva] // Rossijskaja Istorija [Russian History]. — URL: http://russian-history.info/Books/povest/01_06.htm (access date: 26.03.2024). [in Russian].
11. Tagantsev N. S. Russkoe ugolovnoe pravo [Russian criminal law] / N. S. Tagantsev. — Moscow : Nauka, 1994. — Vol. 2. — 393 p. — ISBN 5-02-012940-2. [in Russian].
12. Tarnavsky O. A. Pervonachal'nyj jetap razvitija ugolovnogogo sudoproizvodstva Drevnerusskogo gosudarstva [The initial stage of development of criminal proceedings of the Old Russian state] / O. A. Tarnavsky // Uchjonye zapiski Kazanskogo universiteta. Serija: Gumanitarnye nauki [Scientific notes of Kazan University. Series: Humanities]. — 2020. — Vol. 162. — P. 140–151 [in Russian].
13. Uspensky F. I. Rus' i Vizantija v X veke : rech', proiznesjonnaja 11 maja 1888 g. v torzhestvennom sobranii Odesskogo slavjanskogo blagotvoritel'nogo obshhestva v pamjat' 900-letnego jubileja kreshhenija Rusi [Rus' and Byzantium in the 10th century: speech delivered on May 11, 1888 at the ceremonial meeting of the Odessa Slavic Charitable Society in memory of the 900th anniversary of the baptism of Rus'] / F. I. Uspensky. — Odessa : Publication of the Cyril and Methodius Book Warehouse at the Odessa Slavic Society, 1888. — 38 p. [in Russian].